

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(4Вел)-445
П51

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Tom Pollock
THE SKYSCRAPER THRONE TRILOGY:
BOOK 1: THE CITY'S SON

First published in the English language
by Quercus Editions Limited

Печатается с разрешения издательства
Quercus Editions Limited.

Перевод с английского *Марии Фетисовой*
Оформление обложки — *Василий Половцев*

Поллок, Том.

П51 Сын города : [фантастический роман] / Том Поллок;
[пер. с англ. М.С. Фетисовой]. — Москва: Издательство
АСТ, 2016. — 384 с. — (Мастера магического реализма).

ISBN 978-5-17-096102-3

Бэт всего шестнадцать, но она уже познала горечь потерь, отчуждения и предательства. Всё, что у нее осталось, — ночной город, стены которого она порывает бесчисленными граффити. Но неожиданно Бэт узнает, что есть и другой, тайный Лондон: город призрачных поездов и надменных отражений, бродячих статуй и танцующего Лампового народа, город Женщин в стенах и юного Бога-оборванца. Город, оставленный Богиней Улиц и отчаянно нуждающийся в ней. Город, пожираемый стальным чудовищем, имя которому — Вись. Именно в этом городе Бэт предстоит найти свое место, свою любовь... и свою войну.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-445

ISBN 978-5-17-096102-3

Copyright © 2012 by Tom Pollock
© М.С. Фетисова, перевод на русский язык, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Лиззи, за всё

ЧАСТЬ I

МАЛЬЧИК С ГОРОДОМ В КОЖЕ

❧ ГЛАВА 1 ❧

Я охочусь. Солнце садится над Баттерси, его лучи расчерчивают кирпичную кладку боевой раскраской, пока я иду по следу через железнодорожные туннели. Моя добыча уже недалеко: в воздухе горько воняет паленым, и каждые несколько ярдов обнаруживается очередной обуглившийся комок, некогда бывший крысой.

Я набираю темп, нетерпеливо скользя по рельсам босыми ногами. Взмахнув копьем по низкой дуге, чувствуя оставленный ею электрический след — верный признак чудовища.

Город ни на что не обращает внимания. Проходя под кирпичными сводами, люди входят и выходят из газетного киоска и винного магазина; двое школьников болтают — обмениваются небьлицами о девочке, которая им обоим нравится. А потом — над смехом, стоном вечерних пробок, басами отдаленной музыки и всеми остальными звуками города — я слышу ее дикий, визжащий тормозами крик.

Сердце мое сжимается. Они и понятия не имеют, в какой опасности находятся, никто из них, не теперь, когда она освободилась, когда проснулась.

Во имя Госпожи Улиц, *она проснулась.*

Я взял ее след на Кингс-Кросс, в гнездилище переплетенной стали к северу от станции. Она бросила

свой поезд, большой грузовой локомотив, и тот замер, лишившись ее живительного духа. Ошеломленный машинист все никак не мог взять в толк, что случилось с машиной. Другие поезда сдавали назад, в веренице ярко светящихся окон ворчали пассажиры, играя со своими телефонами и удивляясь, какого черта образовалась эта пробка.

С той минуты я крепко сел ей на хвост: неустанный охотник.

Что ж... *почти* неустанный.

Однажды я отпустил ее — мне *пришлось*. Ее след шел через строительные площадки Святого Павла, мимо Собора, прямо под когтистыми тенями стрел кранов.

Вись — Король Кранов. Даже мне нельзя вторгаться на его территорию. Клянусь, я ощутил его металлические пальцы, тянущиеся убить меня, и бросился бежать.

Но с легкостью вернулся на след. Мертвый мальчик, лежавший поперек рельсов под сгоревшей сигнальной будкой, не дал пройти мимо. На вид ему было около пятнадцати, возможно всего на несколько месяцев младше меня, но изуродованное лицо не позволяло сказать с уверенностью: высохшая кожа растрескалась и почернела, на месте выкипевших глаз зияли пустые глазницы. Только металлический аэрозольный баллончик в правой руке остался не тронут напряжением.

Но помедлить меня вынудило не тело — как ни печально, я видел трупы и пострашнее. Меня заинтересовал кровавый отпечаток колеса, *пересекающий* след, разрезавший грудь мальчика под *прямым углом* к рельсам. Мгновение я изо всех сил пытался найти в этом смысл. Затем увидел дыру, проломленную в кирпичной стене виадука, и мурашки неверия закололи загривок.

Она сбежала с железной дороги. *Она ушла.*

Как, во имя Темзы?..

Вот тогда-то я и начал сомневаться: если она настолько всемогуща, в моих ли силах ее остановить?

По всему городу засияли фонари — Натриевые танцовщицы проснулись, потягиваясь и разогревая конечности, озаряя стеклянные плафоны светом. Я просунул пальцы в пролом в кирпичной кладке и перемахнул через край виадукa, мягко приземлившись на тротуаре. Потом под покровом сгущающихся сумерек проворно прошмыгнул на улицы.

Теперь я жду в тупичке, прислушиваясь к мерному капанию воды из ржавой трубы, и успокаиваю себя, позволяя стуку воды стать ритмом моего сердцебиения.

Моя позиция открыта, мое копьё готово.

Здесь ее след обрывается.

Бреньк-клац-клац, бреньк-клац-клац...

Я ощущаю ее вибрации через землю.

Лиса вываливает из-за пары стальных мусорных бачков и бежит по дороге, оставляя за собой шлейф воню.

Я с тихим шипением выпускаю воздух из легких.

Бреньк-клац-клац, бреньк-клац-клац...

Бетонный сланец на земле начинает подрагивать, поднимается ветер, брызгая дождем мне в лицо. Запах гари исходит от стены в конце тупика, выдыхаемый порами кирпичей. Пронзительный вопль наполняет воздух: визг стали о сталь, подобный крику лошади. Клацанье становится громче, трясутся и лязгают мусорные бачки, падающие на землю.

Я слышу призрак парового свистка: ее печальный, старомодный боевой клич, и присаживаюсь на корточки, сгруппировавшись поплотнее. Через известковую стену передо мной начинает сочиться свет, обозначая два ослепительных глаза дальнего света. Я слышу стук ее колес, мчащихся на меня дорожкой молнии. Крик вырывается из моего горла, чтобы поприветствовать ее, прокляв всеми именами: Локо Мотив, Поезд-призрак, *Рельсовая химера...*

...и, когда она взрыкивает на меня, я отпрыгиваю вбок и наношу удар...

ГЛАВА 2

— Бет, *давай же*, — прошептала Карандаш, — нужно идти.

Бет, пару раз крутанув руке баллончик, изучала рисунок, который распылила на асфальте спортивной площадки.

— *Бет...*

— Я еще не закончила, Кара, — в тусклом отблеске ближайших фонарей Бет видела, как пальцы девушки-пакистанки нервно теребят косынку. — Не будь ребенком.

Карандаш раздраженно прохаживалась взад-вперед:

— *Ребенком?* А мы кто? Ты своей краски нанюхалась? Я не шучу, Би. Если кто-нибудь придет, нас *исключат*.

Бет потрясла аэрозольный баллончик:

— Кара, сейчас четыре утра. Школа закрыта. Даже крысы махнули хвостами и разошлись по домам. Мы прикрыли лица от камер, когда перелезали через стену, и света здесь с гулькин нос. Вокруг никого нет, нас не опознают, так что еще тебя беспокоит? — Бет говорила спокойно, хотя и чувствовала тугой узел волнения в груди. Она посветила фонариком на рисунок у своих ног. Портрет доктора Джулиана Солта, главного математика Фростфилдской средней школы, получался недурно: лучше, чем она ожидала, учитывая, что работать приходилось в спешке и темноте. У нее идеально вышли его нахмуренные брови, впалые щеки и тусклые гроз-

ные очки. Сорняки, проросшие через асфальт, добавляли выразительности: они выглядели как неряшливые волосы в носу.

Справедливости ради следовало признать: Бет также наградила учителя некротической отслаивающейся кожей и двенадцатифутовым раздвоенным языком, явно допустив некоторую художественную неточность, но все же...

«*Это несомненно ты, ты, дерьмо*».

— Бет, *смотри*, — зашипела Кара, заставив Бет подпрыгнуть.

— Что?

— Вон там, — показала Кара. — Свет...

Бет глянула вверх. Одно из окон, выходящих на школу, светилось приглушенным зловеще-оранжевым светом. Бет раздраженно выдохнула:

— Наверное, какой-то старой тетке просто приспичило.

— Нас оттуда видно, — настаивала Кара.

— Да кому какое дело? — пробормотала Бет, снова поворачиваясь к рисунку.

Каждый фростфилдский двенадцатиклассник знал, что Бет с Солтом враги, но это было обычное противостояние учителя и ученика, из-за которого она бы не стала приходить сюда.

Возмездия требовало отношение Солта к Каре. Бет не знала, почему, но он, казалось, получал порочное удовольствие, унижая ее лучшую подругу. Солт оставлял Кару после уроков вполтину меньше, чем Бет, но после этих наказаний она каждый раз едва сдерживала слезы. А на понедельничном уроке математики, когда Кара попросилась выйти в туалет, Солт категорически отказал. Он продолжил рассказывать о квадратных уравнениях, не спуская глаз с Кары, а на его лице играла улыбка, словно он *подзадоривал* ее противостоять ему — словно *знал*, что она не осмелится. Кара продолжала держать руку поднятой, но какое-то время спустя та задрожала. Когда девушка

сложилась от боли пополам, не в силах больше сдерживаться, Бет сама вытащила подругу из-за парты и вывела из класса. Пробегая по коридору, они услышали разразившийся смех.

Позже, стоя за углом естественнонаучной секции, Бет спросила:

— Почему ты не вышла? Он не смог бы тебя остановить, так почему ты просто не ушла?

На лице Кары застыла шутовская улыбка, всегда сопровождавшая внутреннюю панику:

— Просто я... — она проглотила половину слов, не отрывая взгляда от собственных ботинок. — Просто я каждую секунду думала, что надо продержаться всего лишь еще одну секунду, еще одну — и все станет хорошо. И мне не придется... ты знаешь.

«Бросать ему вызов». Бет сама закончила предложение, крепко обнимая подругу. Она знала, в чем заключалась сила Кары, видела это каждый день: противостояние без сопротивления. Кара держала удар, но никогда не била в ответ.

И тогда Бет решила: нужно что-то сделать. И рисунок как раз и был *чем-то*.

Она направила луч фонарика на свою работу, и напряжение в груди сменилось теплым сиянием удовлетворения.

«Неоновый кошмар, — подумала она. — Уродство тебе к лицу, док».

— Бет Брэдли, — прошептала Кара. Ее голос по-прежнему звучал испуганно, но на этот раз немного благоговейно. — Ты — *псих* высшего ранга.

— Ага, знаю, — ответила Бет, и по ее лицу расплзлась улыбка. — Но я *действительно* хороша...

Пронзительный вой прорезал ночь: к ним неслась полицейская сирена. Бет, инстинктивно присев на корточки, натянула капюшон на короткие растрепанные волосы.

— *Проклятье*, — запаниковав еще сильнее, прошептала Кара. — Я же *говорила* — нас видели. Должно

быть, они и вызвали — наверно, подумали, мы хотим что-нибудь украсть.

— Что, например? — буркнула Бет в ответ. — Секретный рецепт столовского пирога из мышиноного помета? В школе тырить-то нечего.

Кара потянула Бет за рукав:

— Неважно — надо выбираться отсюда.

Бет дернула рукав обратно и опустила на оба колена, судорожно добавляя тень на линию подбородка. Все надо делать как следует.

— Би, надо уходить, — Кара в смятении переступала с ноги на ногу.

— Так иди, — прошипела Бет.

— Без тебя не пойду, — обиженно буркнула Кара.

Бет не поднимала взгляда:

— Кара, если ты не убежишь *прямо сейчас*, я расскажу Леону Батлеру, что это ты намалевала замазкой то стихотворение на его парте.

На мгновение повисло потрясенное молчание, потом Кара выдохнула: «Сучка».

— *Леон, мой лев, я буду прайдом для тебя. И даже больше...* — нараспев процитировала Бет шепотом. Она не могла сдержать ухмылку, когда Кара удалилась, ругаясь под нос. Продолжая рисовать, Бет приподнялась с колен, готовая дать деру. Сирены выли уже совсем близко. *У-а-а-а-у-у-у...* Взвизг повторился еще раз, а потом оборвался на середине. Девушка услышала, как отворилась, а потом хлопнула дверца машины. За спиной задребезжали ворота. Школа была заперта, и копам пришлось перелезть, как и им с Карой. Бет прыснула цветом в богатое скопление бородавок под глазом нарисованного Солта.

— Эй!

Крик пустил волну страха по ее позвоночнику. «Какой отстой», — подумала она. Девушка затолкала трафареты и краски обратно в рюкзак, выключила фонарик и побежала. Тяжелые ботинки бухали по асфальту позади нее, но она не оборачивалась — не-

зачем показывать им лицо. Ветер свистел в ушах: Бет мчалась, опустив голову, молясь, чтобы полицейские у нее на хвосте оказались отягчены бронезилетами и дубинками, чтобы она оказалась быстрее...

Бет подняла глаза, и паника тут же скрутила желудок. Копы гнали ее в тупик. Перед нею выросла самая высокая стена школьного забора, примыкающая к плотному клубку кустов и деревьев вокруг железнодорожных путей: десять гладких неперелезаемых футов. Бет изо всех сил напрягла ноги, отчаянно стараясь набрать разгон, и прыгнула.

Ее пальцы царапнули бетонную стену, не достав до верха нескольких дюймов, и она полетела вниз.

Твою мать.

Она снова бросилась на стену, и снова ей не хватило нескольких дюймов. Грудь жгло одышкой и отчаянием.

— Би, — произнес чей-то шепот. Бет повернулась. Кара бежала к ней вдоль стены, ее хиджаб сбился и болтался на уровне рта, как у бандита.

— *Я же велела тебе уходить!* — яростно, но с облегчением прошептала Бет.

— Ага, щаз. Едва взлетев сюда, я поняла: ты низковата для этого. — Кара упала на одно колено и сцепила руки замком.

Бет сверкнула быстрой улыбкой и приняла помощь; мгновение спустя она втащила подругу за собой.

— Разделимся, — прошептала Бет, приземлившись с другой стороны, и вздрогнула от боли, пронзившей руки; ее угораздило угодить прямо в крапивные заросли. — Я догоню тебя, как обычно.

Девушки слышали, как их преследователи ругались, тяжело дыша, по ту сторону забора.

Один из мужчин пропыхтел:

— Подсади меня.

Кара повернула направо, а Бет бросилась налево, петляя между деревьями.

Дыхание вырывалось со свистом, отдающимся в ушах. Ветки и разбитые бутылки хрустели под ногами. Дорогу преградил забор, но Бет заметила ровную дыру у основания и нырнула в нее, пробиваясь на смутно вырисовывающуюся забетонированную площадку. Девушка пригнулась за старой ржавеющей машиной с выбитыми окнами, судорожно глотая воздух. По ближайшему мосту промчался поезд, угловатые всполохи света прорезали темноту. Она попыталась разобрать хоть что-нибудь за стихающим клацаньем поезда и собственным оглушительным сердцебиением, но не услышала никаких звуков преследования.

Девушка полезла в рюкзак за измятой кожаной курткой, стянула толстовку и запихала ее поверх баллончиков с краской. Ее ноги так дрожали из-за адреналина, что она покачивалась и почти падала. «Мило, Бет, — придиричиво подумала она. — Просто ништяк. Теперь, если сможешь перестать ходить, как испуганная индюшка, тебе даже удастся пройти полпути вниз по улице, прежде чем мусора тебя повяжут».

Застегнув куртку, она пошла вперед — настолько непринужденно, насколько только могла.

Кара ждала на углу Уиттэршем-роуд и Шекспир-роуд, по обеим сторонам которых тянулись краснокирпичные террасы с пестрыми садиками. Как и всегда, нервничая, она проверяла и перепроверяла свое отражение в карманном зеркальце, изыскивая малейшие изъяны.

Бет улыбнулась, несмотря на подавленное настроение: только Кара Хан могла накрасить глаза, собираясь заняться ночным вандализмом.

Почтовый ящик, рядом с которым стояла Кара, был, вероятно, самым разграффиченным местом во всем Лондоне: радужное буйство похабщины, изречений, мультяшных зверей и гротескных монстров.

По традиции местных граффитчиков внести свой вклад в роспись Уиттэршемского ящика, в прошлом гору Кара и Бет изобразили себя на объявлении о ро-

зыске преступников с вытянутыми глупыми лицами. Те рисунки были уже давно погребены под работами других художников района.

Подойдя ближе, Бет вяло отсалютовала. Кара просто посмотрела на нее.

— В один из таких дней, Элизабет Брэдли, — медленно проговорила она, — ты добьешься того, что меня выгонят. И родители отрекутся от меня к шайтану.

Бет улыбнулась подруге:

— Что ж, значит, окажу тебе услугу. Сможешь заниматься граффити, когда захочешь, и прятаться не придется.

— Спасибо, когда я стану бездомным голодающим позором моей семьи, эта мысль, уверена, согреет меня.

Бет потеряла кроссовкой об асфальт и ухмыльнулась сарказму Кары.

— Значит, будешь жить со мной, — предложила она. — По крайней мере, сможешь выйти замуж за кого захочешь.

Губы Кары вытянулись в тонкую линию, в голос закралась напряженность:

— То, что у тебя было аж два парня, делает тебя мировым свадебным гуру, да?

— На два больше, чем у тебя, — пробормотала Бет, но Кара пропустила ее замечание мимо ушей.

— Мои старики помогут мне найти подходящего человека, — сказала она. — Дело в опыте, вот и все. Они знают брак, они *знают* меня, они...

Бет прервала подругу:

— Кара, они даже не знают, что ты *здесь*.

Кара покраснела и отвела взгляд.

Внезапно устыдившись, Бет шагнула вперед и крепко обняла подругу:

— Не слушай меня, окей? — пробормотала она в косынку Кары. — Я веду себя, как корова, и знаю это. Просто боюсь, что твои старики выдадут тебя за ка-

кого-нибудь бухгалтера в бежевом костюме, бежевых трусах и с чертовой бежевой душой, после чего мне придется разрисовывать стены Восточного Лондона одной.

— Да никогда в жизни, — прошептала Кара, и Бет знала, что это правда. Кара *никогда* от нее не уйдет. Она посмотрела через плечо подруги. Небо начало светлеть. По улице выстроились телефонные столбы, их кабели казались наброшенными на восходящее солнце поводьями. Бет знала: когда взойдет солнце — и сегодня, и во все последующие дни — оно взойдет для них обеих, идущих бок о бок.

— Ты в порядке? — спросила она.

Кара слабо усмехнулась.

— Ага. Только... Все это немного чертовски страшно, знаешь ли.

— Знаю, — сказала Бет. — Это было сильно, просто хардкор. Я горжусь тобой, Карандаш Хан. — Бет еще раз крепко обняла подругу, а потом отпустила. — Только не выспимся мы сегодня.

Мышцы на шее девушки свело напряжением, и, хотя глаза так и норовили закрыться, она по-прежнему ощущала тревогу.

— Нечего рассчитывать, что я смогу убедить тебя прогулять вместе со мной первую пару уроков, а?

Кара покусала нижнюю губу — осторожно, чтобы не смазала блеск для губ.

— А ты не думаешь, что так мы привлечем к себе лишнее внимание?

«Само собой разумеется, едва подумаешь об этом», — признала Бет, но, как всегда, чтобы увидеть очевидное, понадобилась Кара. Как маленький зверек, всегда находящий правильное место, где спрятаться, она обладала чутьем на все, что могло бы показаться подозрительным.

— Как насчет порисовать оставшуюся ночь? — парировала Бет. — Пойдем быстрее — у меня вдохновение.

Кара сказала маме, что переночует сегодня у Бет. Бет же, конечно, не требовалось никому ничего объяснять. Здесь, на улицах, было легко забыть, что она была еще чьей-то.

Кара покачала головой своей собственной глупости, но расстегнула толстовку и вытащила аэрозольный баллончик.

— Конечно, — кивнула она. — Думаю, сегодня я оторвусь.

Они пустились на запад, в сердце города, навстречу рассвету, петляя среди строительных площадок с драными плакатами и забитых досками окон магазинов.

Бет присела рядом с грудой битого бетона — велись какие-то дорожные работы — и расплыла несколько черных линий. Большинство людей увидят в них лишь гудрон и тени; чтобы разглядеть атакующего носорога в переплетении краски и краев бетонных осколков, нужно стоять в строго определенном месте. Бет улыбнулась про себя. «Город — опасное место, если не обращать внимания».

Она оставляла кусочки своей души вроде этого, по всему Лондону, и никто не знал, где. «Никто, кроме, может быть, Кары».

Бет взглянула на подругу. Когда они делились секретами, это не походило на обмен заложниками, что Бет иногда наблюдала у других девочек. Кара действительно проявляла заботу, и это значило, что Бет тоже могла рискнуть проявить заботу. Кара была как бездонный колодец: можно было сбросить в нее любое количество маленьких страхов, зная, что они никогда не вернуться, чтобы ранить тебя.

Начался дождь: слабая, непрекращающаяся, понижающая морось.

Кара писала свои стихи на бордюрах и внутри телефонных будок, романтические контрапункты на розово-черных визитках с рекламой дешевого секса и видами услуг, перечисленных после имен, словно ученые степени: